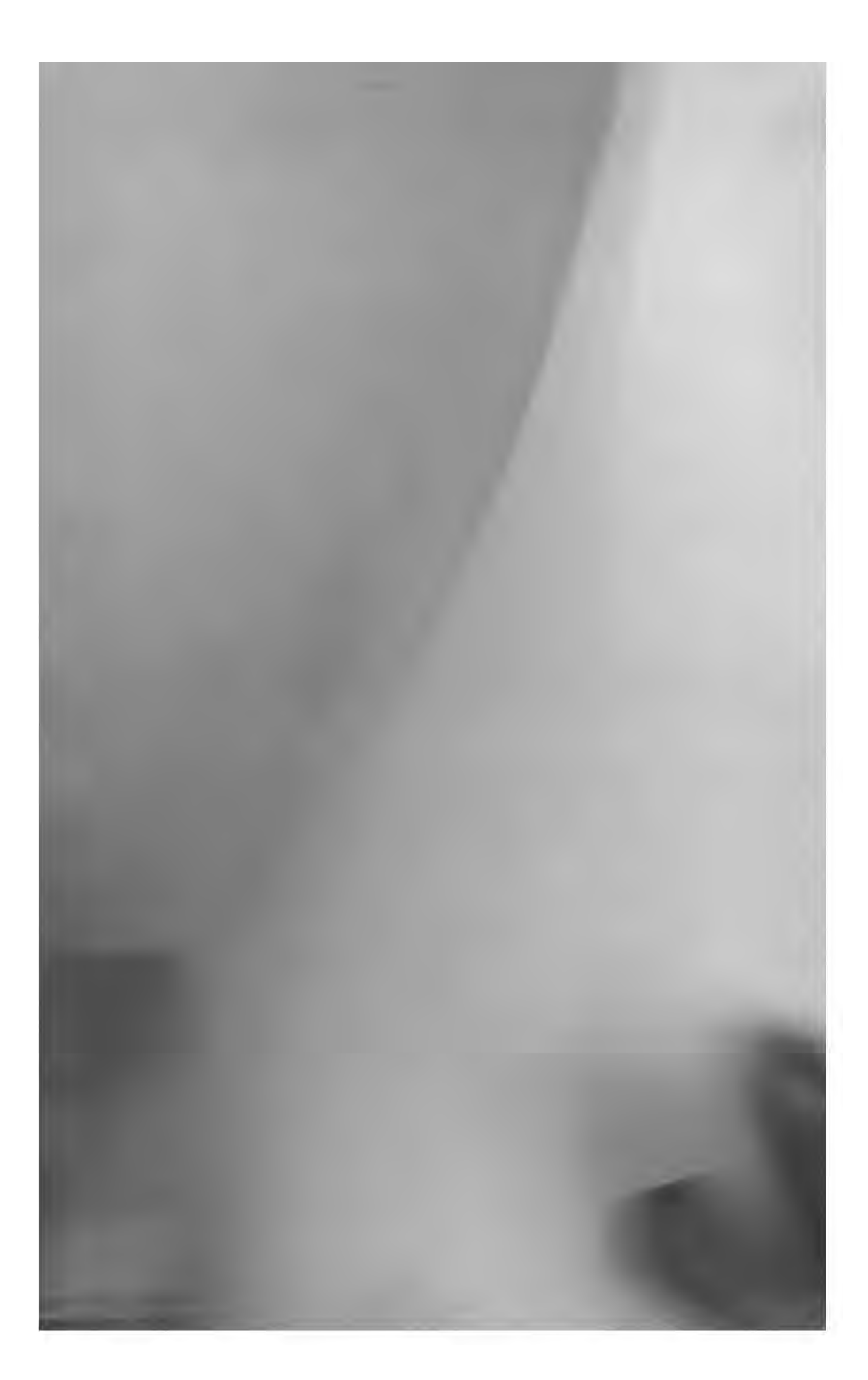
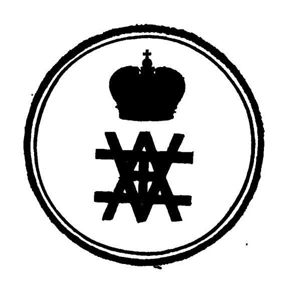
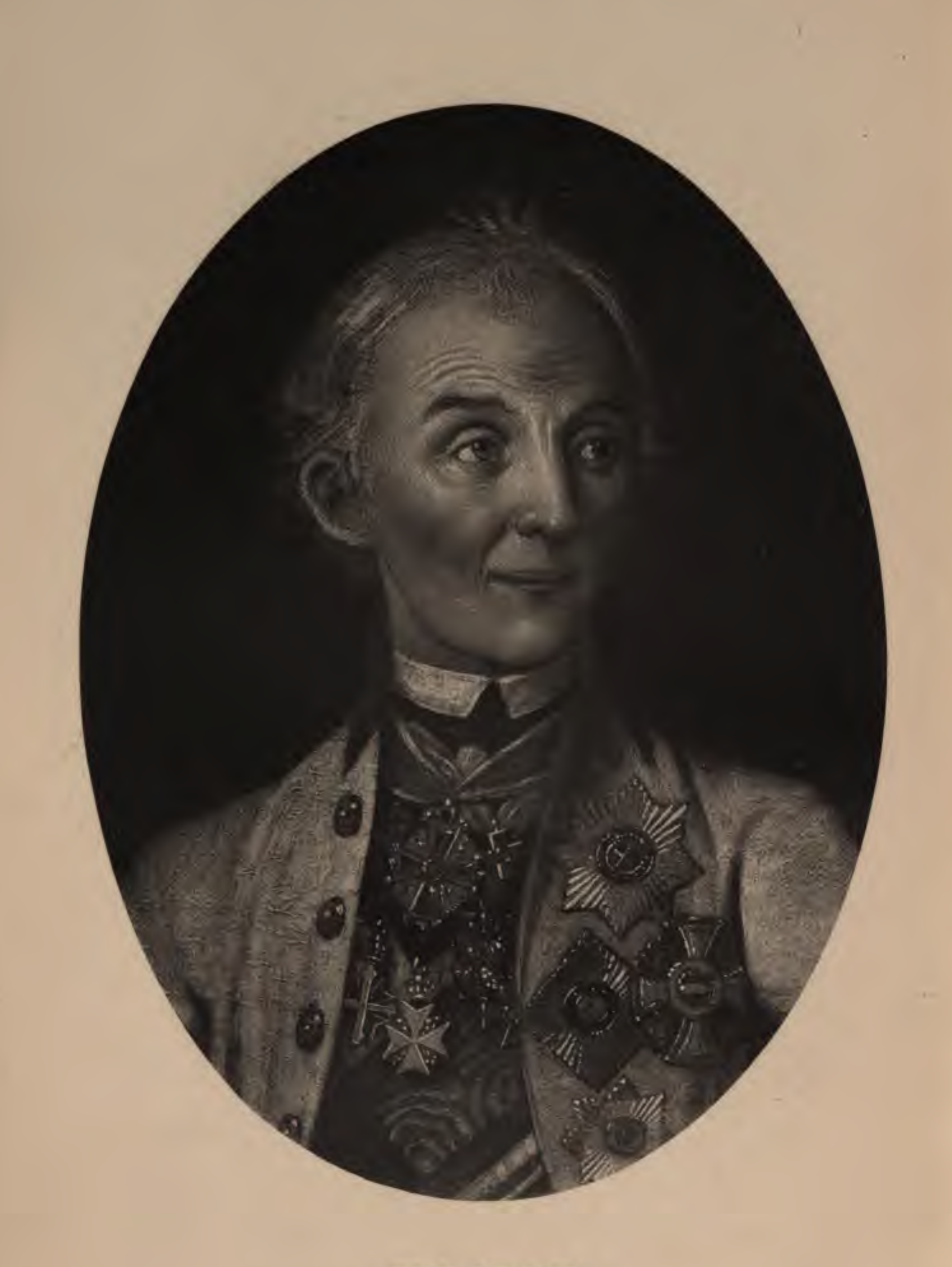
ПОЛКОВНИКЪ КОЗЛОВЪ

ИЗОБРАЖЕНІЯ СУВОРОВА

СУВОРОВЪ
съ портрета писаннаго въ 1800 г.
Оригиналъ принадлежитъ С. В. Козлову.

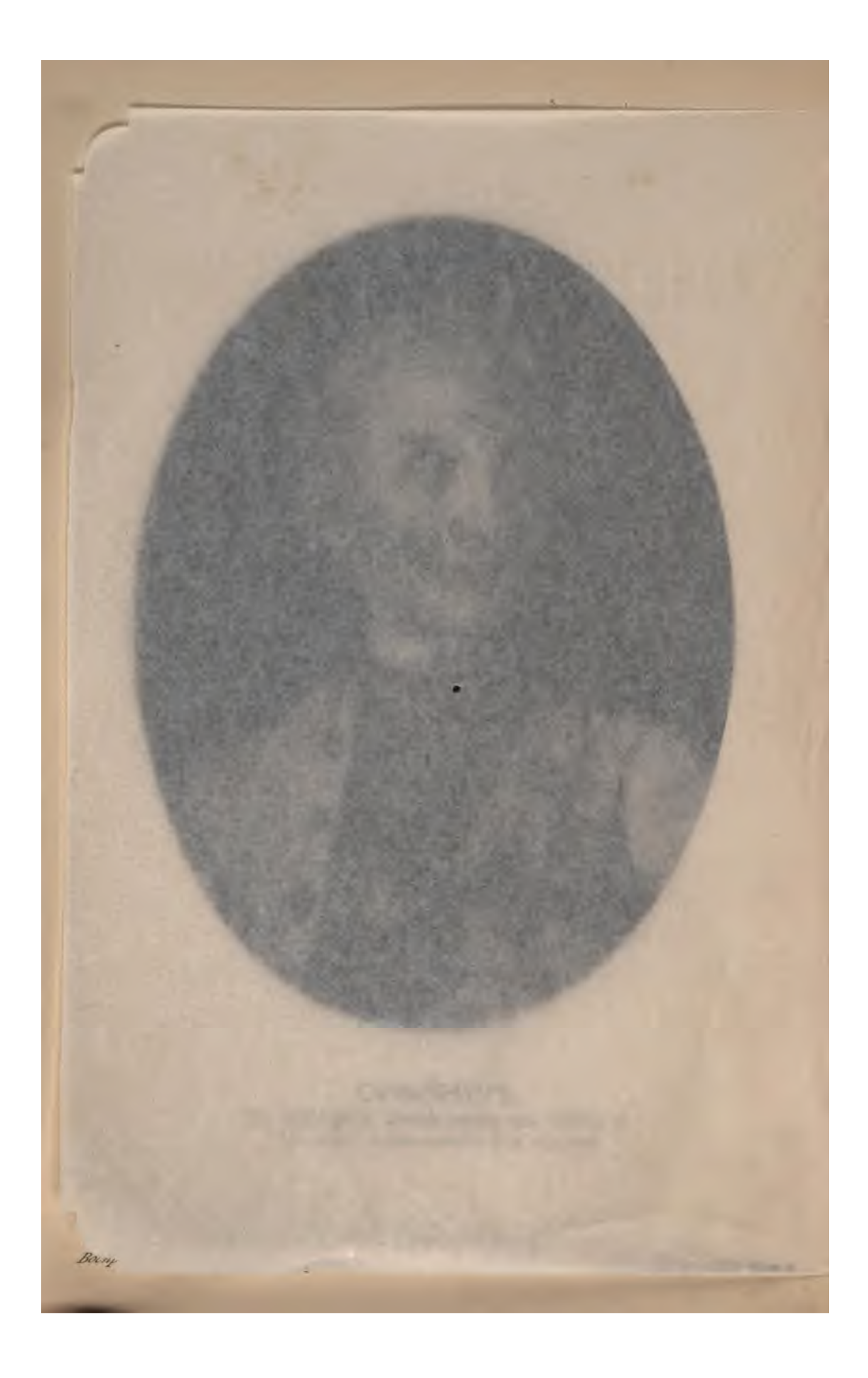
 А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

...ЕНІЯ СУВОРОВА

...СЛОВЪ

...ПЕТЕРБУРГЪ.
...

1899

ИЗОБРАЖЕНІЯ СУВОРОВА

(Съ портретомъ генералиссимуса).

Полковника Козлова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1899.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 Мая 1899 г.

Если цѣль историка заключается въ томъ, чтобы очертить характеръ описываемаго героя, то на долю художника выпадаетъ задача воспроизвести, по возможности жизненнѣе, наружность того или другого лица, сохранивъ, тѣмъ самымъ, для грядущихъ поколѣній живой обликъ того, котораго не стало. Художественныя изображенія раскрываютъ передъ нами какъ бы вчерашній день прошлой жизни и ставятъ насъ въ непосредственное соприкосновеніе съ лицами, сдѣлавшимися уже достояніемъ исторіи. Особенно цѣнны изображенія тѣхъ выдающихся дѣятелей, которые играли видную роль въ судьбахъ своего отечества и коимъ оно обязано своимъ прославленіемъ. На первомъ планѣ среди такихъ лицъ стоитъ несомнѣнно Суворовъ, а потому его изображенія должны были бы представлять для каждаго истинно русскаго исключительный интересъ. Однако, мы вообще мало знакомы съ изображеніями этого народнаго героя и многіе считаютъ и понынѣ, что существовалъ лишь одинъ портретъ Суворова, написанный Шмидтомъ, съ котораго исполнена всѣмъ извѣстная и очень распространенная гравюра Уткина. Между тѣмъ, изъ русскихъ государственныхъ людей прошлаго вѣка не было ни одного, съ котораго было бы написано столько портретовъ и послѣ которыхъ осталось бы такое количество разныхъ гравированныхъ изображеній, какъ послѣ Суворова; даже съ «великолѣпнаго князя Тавриды», всесильнаго любимца Екатерины II, было меньше написано портретовъ, чѣмъ съ невзрачнаго старичка, имя котораго настолько гремѣло въ Европѣ, что за неимѣніемъ въ извѣстную минуту его оригинальныхъ изображеній, его имя ставили подъ портретами Вашингтона и Растопчина!.... Однихъ гравированныхъ изображеній Суворова, батальныхъ и алегорическихъ картинокъ, къ

нему относящихся, а также и карикатуръ, ему современныхъ, поименовано въ словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ Ровинскаго — 207. Но этимъ спискомъ далеко не исчерпываются всѣ гравированныя изображенія Суворова и есть много гравюръ, не попавшихъ въ руки нашего знаменитаго иконографа. Въ моемъ собраніи найдется болѣе двадцати портретовъ вообще неизвѣстныхъ и преимущественно исполненныхъ въ Италіи въ 1799 году.

Самое полное собраніе гравированныхъ изображеній Суворова находится въ колекціи русскихъ портретовъ, собранной Ровинскимъ и пожертвованной имъ Румянцевскому музею. Колекція эта, конечно, не можетъ быть разрознена, а потому этимъ Суворовскимъ изображеніямъ суждено, по волѣ завѣщателя, и впредь остаться въ Москвѣ.

Если большинство изъ извѣстныхъ гравированныхъ изображеній Суворова сохранилось въ собраніяхъ любителей, за то портреты Суворова, писанные съ натуры масляной краской, особенно рѣдки и всѣ на перечетъ; но и изъ нихъ многіе уже пропали безслѣдно.

Первое извѣстное изображеніе Суворова относится къ 1790 г., когда ему было 60 лѣтъ; оно находится на медали, выбитой въ его честь въ ознаменованіе его побѣдъ надъ турками въ 1787, 1789 и 1790 годахъ, и не отличается сходствомъ. Характеръ этого изображенія чисто героическій; лицо Суворова на медали старческое съ одутловатыми щеками; онъ представленъ съ густыми, волнистыми волосами; на голыя плечи накинута львиная шкура. Съ этой рѣдчайшей нынѣ медали, исполненной Леберехтомъ и экземпляръ которой имѣется въ моемъ собраніи, было гравировано въ Россіи семь портретовъ, также не имѣющихъ сходства, но уже рѣдко встрѣчающихся.

Не извѣстны портреты, писанные съ Суворова въ молодыхъ годахъ, да надо полагать, что таковые и не существовали; по крайней мѣрѣ въ Суворовской семьѣ о нихъ ничего не было извѣстно. Суворовъ, сохранившій до послѣднихъ лѣтъ своей жизни особенную бодрость тѣла и духа и замѣчательную подвижность, не любилъ упоминаній о своихъ годахъ, а также въ старости избѣгалъ смотрѣться въ зеркала, которыя завѣшивались въ помѣщеніяхъ, временно имъ занимаемыхъ, и совершенно не были допущены въ его постоянной квартирной обстановкѣ. Можно съ увѣренностью предположить, что множество извѣстныхъ намъ изображеній Суворова было исполнено не по его инициативѣ, а безъ его вѣдома и по побужденію постороннихъ лицъ, вызванному все возраставшей популярностью русскаго

полководца; справедливость этого заключенія доказывается тѣмъ, что большая часть изъ всѣхъ извѣстныхъ гравированныхъ изображеній Суворова была исполнена во время италіанской кампаніи, въ 1799 году, когда слава его достигла своего апогея.

Изъ портретовъ, писанныхъ съ натуры, первый, дошедшій до насъ—миніатюра, исполненная на слоновой кости въ началѣ 1795 г., въ Варшавѣ. Эта миніатюра сохранилась въ семьѣ генералисимуса и досталась А. А. Козловой отъ ея отца, генералъ-адъютанта князя Суворова. На портретѣ явственна подпись: «C. Bechon, P:à Varsovie d'aprês la Nat. 1795». На миніатюрѣ лицо изображено старческое, морщинистое, но голубые глаза искрятся жизненностью и умомъ, а на щекахъ еще играетъ румянецъ; волосы на лбу и вискахъ рѣдкіе, сѣдые; не замѣчается еще прически, носимой Суворовымъ въ послѣдніе три года его жизни и отличавшейся особеннымъ локономъ, собраннымъ на лбу. Суворовъ на этомъ портретѣ представленъ въ свѣтло-зеленомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, съ крестомъ Александра Невскаго на шеѣ, лентой Андрея Первозваннаго черезъ плечо и портретомъ австрійскаго императора, осыпаннымъ бриліантами, на груди. Въ рукахъ онъ держитъ фельдмаршальскій жезлъ и шляпу съ бриліантовымъ плюмажемъ; на немъ надѣта шпага, украшенная алмазами. Описываемый портретъ особенно цѣненъ, такъ какъ въ немъ мы имѣемъ первое, дошедшее до насъ, оригинальное, съ натуры писанное, изображеніе Суворова, подлинность котораго не допускаетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. По техникѣ исполненія этотъ портретъ превосходенъ; онъ отличается мастерствомъ въ передачѣ позы и колорита и прекрасно сохранился.

За этимъ портретомъ слѣдуетъ упомянуть о другомъ, къ сожалѣнію пропавшемъ, написанномъ въ 1795—1796 годахъ и подаренномъ самимъ Суворовымъ Гримму. Съ этого портрета было гравировано шесть разныхъ изображеній; всѣ они имѣютъ тотъ же поворотъ головы, ту же прическу и тѣ же отличительныя глубокія продольныя морщины на лбу. Изображенія Суворова на миніатюрѣ и на портретѣ, подаренномъ Гримму, очень между собою схожи.

Лучшіе по художественному исполненію портреты Суворова были написаны въ 1796—1797 годахъ англійскимъ художникомъ Аткинсономъ (Iohann August Atkinson; 1775 † послѣ 1829 г.), кисти котораго принадлежатъ прекрасные портреты Императоровъ Павла I и Александра I, а также батальныя картины, изъ которыхъ болѣе замѣчательная «Мамаево побоище». Одинъ изъ портретовъ, писанныхъ Аткинсономъ, поколѣнный; другой же представляетъ

*

Суворова во весь ростъ, съ обнаженнымъ палашомъ въ рукѣ; онъ снялъ съ головы треугольную шляпу и ею даетъ знакъ войскамъ идти въ бой; на фонѣ изображена баталія. Поза фигуры на этомъ портретѣ передана прекрасно; приходится сожалѣть, что оригиналъ не сохранился. Найти его было бы открытіемъ не менѣе цѣннымъ, чѣмъ случайная находка пастельнаго портрета Шмидта, пріобрѣтеннаго Государемъ Императоромъ.

Поколѣнный портретъ Аткинсона находится нынѣ въ моей колекціи и представляетъ собою, несомнѣнно, лучшее изъ сохранившихся художественныхъ изображеній Суворова. Портретъ обличаетъ кисть выдающагося художника; Суворовъ изображенъ въ свѣтлозеленомъ, расшитомъ золотомъ, фельдмаршальскомъ мундирѣ съ крестомъ ордена Александра Невскаго на шеѣ, съ Андреевской лентой черезъ плечо и алмазными знаками того же ордена, звѣздами Георгіевской и австрійской и на правомъ плечѣ у него надѣтъ бриліантовый эполетъ въ 60,000 р., пожалованный ему въ 1791 г. Императрицей Екатериной. На основаніи нѣкоторыхъ семейныхъ воспоминаній можно полагать, что этотъ портретъ принадлежалъ племянницѣ Суворова, графинѣ Хвостовой, рожденной княжнѣ Горчаковой, въ домѣ которой въ Петербургѣ онъ и скончался. Съ этихъ двухъ портретовъ, гдѣ Суворовъ, повидимому, изображенъ въ парикѣ, извѣстный англійскій граверъ Валькеръ (James Walker; 1748—1808), ученикъ Валентина Грина, впослѣдствіи академикъ, исполнилъ черной манерой два превосходныхъ листа; отъ каждаго изъ этихъ портретовъ я имѣю въ своемъ собраніи по два экземпляра, причемъ одинъ изъ оттисковъ гравюры во весь ростъ отпечатанъ ранѣе всякой подписи (avant la lettre); такіе листы почти не встрѣчаются болѣе. Графъ Растопчинъ, посылая 27-го іюня 1799 года эти два портрета Валькера графу С. Р. Воронцову, писалъ ему: «Je Vous envoie deux portraits du C-te Souworow. Celui qui est avec le bâton de commandement, est frappant pour le maintien. L'autre le représente mieux (Архивъ князя Воронцова, VIII, 255)». Валькеру, спеціалисту гравюры черной манеры, мы обязаны лучшими акватинтами, исполненными по портретамъ лицъ Царской Фамиліи и дѣятелей второй половины XVIII вѣка, въ числѣ этихъ портретовъ можно указать на изображенія Екатерины II, Александры Павловны, Александра I, Потемкина, Румянцева и мног. друг. Портреты послѣднихъ двухъ лицъ, а также портреты Суворова, исполнены Валькеромъ и пріобрѣтены мною вмѣстѣ съ многими другими рѣдкими изображеніями у Фельтена.

Всѣ остальные извѣстные портреты Суворова, писанные масляной краской и пастелью, относятся къ 1799—1800 годамъ; къ этому времени слѣдуетъ отнести и большинство гравированныхъ его изображеній. Изъ портретовъ 1799 года, болѣе всего извѣстенъ, хотя и не дошелъ до насъ въ оригиналѣ, портретъ, писанный въ Вѣнѣ, въ бытность тамъ Суворова, нѣмецкимъ художникомъ Крейцингеромъ. Этотъ портретъ признавался за схожее изображеніе Суворова и извѣстный нашъ партизанъ Денисъ Давыдовъ, видѣвшій во время своей юности Суворова, оставившаго въ немъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе, находилъ этотъ портретъ похожимъ; однако, это заключеніе не сходится съ другимъ его мнѣніемъ, болѣе убѣдительнымъ, въ которомъ онъ признаетъ бюстъ работы Гишара также за наилучше передающій черты Суворова. Оригинальный бюстъ Гишара находится въ моемъ собраніи Суворовскихъ изображеній и онъ совершенно не похожъ на крейцингеровскій типъ, въ которомъ художникъ придалъ Суворову совершенно нѣмецкую физіономію, значительно удлинилъ лицо и увеличилъ носъ и чрезмѣрно оттянулъ нижнюю губу, давъ ей характеръ, замѣчающійся у представителей Габсбургскаго дома. Повтореніе крейцингеровскаго портрета находилось еще относительно недавно у одного изъ князей Оболенскихъ, но, по наведенной мною справкѣ, онъ болѣе не существуетъ въ семьѣ прежняго владѣльца. Съ оригинала Крейцингера награвировано до 37 разныхъ портретовъ, изъ которыхъ лишь нѣкоторые, какъ, напримѣръ, гравюра Поля, исправленная и дополненная съ натуры, отличаются сходствомъ; другіе же сохраняютъ свой германскій характеръ, совершенно чуждый физіономіи Суворова. Этого типа гравированные портреты Суворова не рѣдки и встрѣчаются въ большомъ числѣ въ Германіи и Австріи, гдѣ ими были илюстрированы нѣмецкія изданія конца прошлаго и начала текущаго столѣтій, посвященныя описанію жизни и побѣдъ Суворова.

Послѣ крейцингеровскаго изображенія слѣдуетъ упомянуть о портретѣ, считавшемся въ Суворовской семьѣ самымъ схожимъ и высоко цѣнимомъ генералъ-адъютантомъ княземъ Суворовымъ. Этотъ небольшой овальный масляной краски портретъ (бюстъ) писанъ съ натуры въ Августѣ 1799 года тотчасъ послѣ сраженія при Нови. Суворовъ на немъ изображенъ въ бѣлой рубашкѣ съ Анненскимъ крестомъ на шеѣ. Для всякаго, хорошо знакомаго съ иконографіей Суворова и составившаго себѣ понятіе о внѣшности генералиссимуса изъ множества его изображеній, а не по одному—другому портрету, будетъ вполнѣ ясно, что портретъ въ рубашкѣ реально

передаетъ черты и выраженіе Суворова, какими онѣ въ дѣйствительности представлялись въ 1799 г. Этотъ единственный въ своемъ родѣ портретъ находится въ моихъ рукахъ и не выходилъ изъ семьи Суворова.

Въ концѣ 1799 года былъ написанъ съ Суворова портретъ масляной краской, во весь ростъ; генералисимусъ представленъ бѣгущимъ безъ шапки на полѣ сраженія съ обнаженнымъ палашомъ въ рукѣ; на немъ растегнутый мундиръ и всѣ регаліи. Этотъ портретъ лучше всѣхъ другихъ передаетъ фигуру Суворова: передъ вами худощавый, подвижный старичекъ,—живой, пылкій темпераментъ котораго проявлялся особенно ярко въ бою. Такимъ въ дѣйствительности долженъ былъ быть по внѣшности Суворовъ въ 1799 году, когда вся Европа была полна его славой, когда Державинъ посвящалъ этому кумиру русскаго солдата свои вдохновенные стихи, когда въ честь его писались героическія поэмы и когда великосвѣтскія чопорныя австріячки считали за счастье дѣлить пряди его сѣдыхъ волосъ.... Этотъ портретъ принадлежалъ генералъ-адъютанту князю Суворову, но послѣ его смерти попалъ въ чужія руки и затѣмъ былъ купленъ мною. Согласно семейнымъ преданіямъ, онъ былъ написанъ для Великаго Князя Константина Павловича и впослѣдствіи подаренъ Императоромъ Николаемъ I. Съ этого портрета была снята копія, находившаяся у графини Елены Дмитріевны Канкриной.

Теперь надлежитъ сказать нѣсколько словъ о портретахъ Шмидта, написанныхъ въ Прагѣ въ 1800 году. Къ сожалѣнію, я не видѣлъ ни одного изъ оригинальныхъ портретовъ Шмидта, писанныхъ съ Суворова, и могъ составить о нихъ понятіе лишь по гравюрамъ, по нимъ исполненнымъ. Въ картинной галереѣ въ Дрезденѣ есть цѣлая ротонда, увѣшанная портретами Шмидта; въ ней Ровинскій, еще до меня, напрасно искалъ портретъ Суворова; также безплодны были и мои поиски. Біографъ Суворова Фуксъ называетъ Шмидта по ошибкѣ Миллеромъ; эпизодъ встрѣчи Суворова съ живописцемъ и сеансъ, данный ему фельдмаршаломъ, описанъ весьма интересно, а потому я надѣюсь, что мнѣ не будетъ сдѣлано упрека за то, что я приведу этотъ разсказъ дословно (Е. Фуксъ, «Собраніе разныхъ сочиненій», С-Петербургъ 1827 г., стр. 134—137).

«Курфирстъ Саксонскій, уважая отличныя достоинства великаго россіянина, изволилъ отправить въ Прагу (въ Богемію) знаменитаго своего живописца Миллера, для списанія портрета Суворова, который будетъ украшать дрезденскій музеумъ или, лучше сказать, музеумъ Европы. Сими словами возвѣстилъ я князю Александру Васильевичу о прибытіи артиста въ Прагу. Онъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ

изволитъ безпокоиться его свѣтлость: откажи ему и скажи, что я мальчишка». Сіи слова меня поразили, я остановился и произнесъ съ жаромъ: «Судить, кто вы, не ваше дѣло; предоставьте сіе Европѣ. Ужели вы заставите художника сказать вамъ, что сказано было Монтескье, отказавшемуся также отъ портрета: развѣ въ отказѣ семъ менѣе гордости»? Онъ запрыгалъ, поставилъ посреди горницы стулъ и велѣлъ ввести къ себѣ живописца. При появленіи сего, сѣдинами украшеннаго старца, князь тотчасъ его обнялъ и расцѣловалъ. Потомъ, стсковивъ, началъ по нѣмецки слѣдующую рѣчь: «Его свѣтлость курфирстъ желаетъ имѣть мой портретъ. Ваша кисть изобразитъ черты лица моего; онѣ видны; но внутреннее человѣчество мое сокрыто. Итакъ, скажу вамъ, любезный господинъ Миллеръ, что я проливалъ кровь ручьями. Содрагаюсь. Но люблю моего ближняго; во всю жизнь мою никого не сдѣлалъ несчастнымъ; ни одного приговора на смертную казнь не подписывалъ; ни одно насѣкомое не погибло отъ руки моей. Былъ малъ, былъ великъ (тутъ вскочилъ на стулъ); при приливѣ и отливѣ счастья уповалъ на Бога и былъ непоколебимымъ (сѣлъ на стулъ) какъ и теперь».—Тутъ умолкъ онъ, сидѣлъ неподвижно, и восхищенный Миллеръ, съ чувствомъ гордости принялся за кисть. Прекрасный портретъ сей хранится и донынѣ въ Дрезденскомъ музеумѣ; а гравированная съ онаго копія въ изданной мною исторіи».

Нѣсколько иначе разсказываетъ описанный фактъ, баронъ Ѳ. А. Бюллеръ, со словъ своего отца; онъ говоритъ (Д. Ровинскій, Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, т. II, столб. 1690), что «сеансъ этотъ былъ назначенъ Шмидту во время обѣда, часу въ девятомъ утра; Суворовъ сидѣлъ за столомъ въ рубашкѣ и разговаривалъ съ генералами; Шмидтъ рисовалъ съ него, сидя за другимъ концомъ стола. Послѣ обѣда Суворовъ прочелъ молитву и проскакалъ мимо Шмидта на одной ногѣ, закричавъ кукуреку. Мундиръ и ордена Шмидтъ писалъ послѣ, для чего камердинеръ Суворова, Прошка, вынесъ ему австрійскій фельдмаршальскій мундиръ съ блестковыми звѣздами».

Во всякомъ случаѣ, изъ приведенныхъ текстовъ нѣтъ указаній на то, что портретъ писался для Суворова и что былъ ему переданъ. Насколько извѣстно, правнучкѣ фельдмаршала А. А. Козловой, у ея отца не было ни одного пастелью писанаго портрета генералиссимуса и тѣмъ паче Шмидтовскаго; если бы было иначе, то этотъ портретъ не ускользнулъ бы отъ вниманія Ровинскаго, высказывающаго досаду по поводу того, что «оригинальный портретъ Шмидта неизвѣстно куда дѣлся» и указывающаго на повтореніе этого портрета, писанное для барона Бюллера, и съ котораго Уткинъ исполнилъ свою гравюру, предварительно снявъ акварельную копію, хранящуюся нынѣ въ публичной библіотекѣ. Г. Верещагинъ розыскалъ портретъ, считавшійся пропавшимъ, и, не касаясь вопроса о томъ, гдѣ и какъ этотъ портретъ найденъ, достаточно сказать, что самые компетентные знатоки живописи признали его подлиннымъ и со-

временнымъ Суворову, что неоспоримо доказывается, кромѣ подписи, характеромъ пастельнаго рисунка и карандашами, которыми онъ писался, такъ какъ вскорѣ послѣ смерти Суворова способъ рисованія пастелью совершенно измѣнился.

Съ оригинальнаго Шмидтовскаго портрета, бывшаго, со словъ Ровинскаго, въ рукахъ Бекетова, и на средства сего послѣдняго, гравированъ въ 1812 году Флоровымъ, а, отчасти, и Скотниковымъ, большой портретъ, грубый по исполненію, но не лишенный сходства: Бекетовъ, знавшій Суворова въ лицо и очень его почитавшій, цѣнилъ эту гравюру, считая ее за схожее изображеніе.

Значительно выше, по техникѣ исполненія, стоитъ гравюра Уткина, изготовленная въ 1818 году по Шмидтовскому портрету, принадлежавшему барону Бюллеру, но за то она отличается меньшимъ сходствомъ. Эта гравюра почти всѣмъ извѣстна и по ней, по преимуществу, и составляется понятіе о физіономіи Суворова.

Послѣ Шмидтовскихъ изображеній, о которыхъ только что говорено, приходится упомянуть о находящихся въ моемъ собраніи двухъ небольшихъ портретахъ масляной краски, писанныхъ также въ 1800 году. Первый изъ нихъ, какъ гласятъ преданія семьи, былъ написанъ для герцогини Курляндской, за которую былъ посватанъ сынъ генералисимуса—Аркадій. При составленіи общаго очертанія, художникъ пользовался тогда же написаннымъ портретомъ Шмидта, но окончилъ его однимъ сеансомъ, даннымъ Суворовымъ живописцу. Портретъ этотъ былъ извѣстенъ и Ровинскому, который про него упоминаетъ (т. II, приложеніе, столб. 291): «У свѣтл. кн. Суворова: кн. А. В. Суворовъ, типъ нѣсколько отличается отъ Шмидтовскаго». Этотъ портретъ довольно характеренъ, но значительно уступаетъ, по живописи, тому, гдѣ Суворовъ представленъ въ рубашкѣ съ Анненскимъ крестомъ на шеѣ. Второй изъ двухъ помянутыхъ портретовъ подаренъ А. А. Козловой, статсъ-дамой, графиней Паниной, которая пожелала, чтобы это цѣнное и несомнѣнно современное Суворову изображеніе было въ рукахъ послѣдней изъ Суворовыхъ по рожденію. Генералисимусъ на этомъ портретѣ изображенъ въ бѣломъ австрійскомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ и по типу онъ ближе всего подходитъ къ Шмидтовскимъ изображеніямъ [1]).

Этимъ исчерпывается почти все, что можно сказать объ извѣстныхъ и современныхъ Суворову портретахъ, такъ какъ другіе, какъ,

---

[1]) Фототипія съ этого портрета, исполненная Вильборгомъ, приложена къ настоящей статьѣ.

напримѣръ, писанный живописцемъ Фросте въ 1835 г. и принадлежащій мнѣ, и портреты Суворова, находящіеся въ фельдмаршальскомъ залѣ Зимняго дворца, въ Румянцевскомъ музеѣ въ Москвѣ, въ музеѣ общества исторіи и древности въ Одессѣ и въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, написаны уже послѣ смерти Суворова и не имѣютъ характера портретовъ, исполненныхъ съ натуры, почему мнѣ казалось достаточнымъ только о нихъ упомянуть.

Къ числу особенно интересныхъ изображеній Суворова слѣдуетъ отнести бюстъ его и именно тотъ, который былъ исполненъ, вскорѣ послѣ смерти генералисимуса, Гишаромъ съ маски, снятой съ лица покойнаго. Подлинный бюстъ Гишара, принадлежавшій сыну Суворова, попалъ затѣмъ въ чужія руки, но купленъ мною и находится нынѣ въ моемъ собраніи. Это дѣйствительно рѣдкое изваяніе, отличающееся чрезвычайно тонкой отдѣлкой; бюстъ вылитъ изъ темной бронзы, на которой за истекшее столѣтіе образовалась зеленоватая патина; Суворовъ представленъ въ рубашкѣ съ Анненскимъ крестомъ на шеѣ; черты лица переданы во всей точности и реальности и обличаютъ заботливое и артистическое исполненіе; вездѣ чувствуется рѣзецъ скульптора, съ любовью относившагося къ своему творенію. Бюстъ при всѣхъ поворотахъ одинаково хорошъ и интересенъ и вызывалъ подобную оцѣнку всѣхъ безъ исключенія видѣвшихъ его знатоковъ.

Изъ мнѣній разныхъ современниковъ о сходствѣ тѣхъ или иныхъ изображеній Суворова особенно цѣнно опредѣленіе Дениса Давыдова, весьма интересно повѣствующаго о своей встрѣчѣ въ 1793 г. съ «великимъ Суворовымъ»; привожу дословно выдержку изъ разсказа нашего извѣстнаго партизана («Сочиненія Дениса Васильевича Давыдова», т. I, стр. 97 и 98):

«До разсвѣта войска выступили изъ лагеря, и мы, спустя часъ по ихъ выступленіи, поѣхали вслѣдъ за ними въ коляскѣ. Но угонишься ли за конницею, ведомою Суворовымъ? Бурные разливы ея ежеминутно уходили отъ насъ изъ виду, оставляя за собою одинъ лугъ, болѣе и болѣе удалявшійся. Иногда между эскадронами въ облакахъ пыли показывается кто-то, скачущій въ бѣлой рубашкѣ, и въ любопытномъ народѣ, высыпавшемъ въ поле для одного съ нами предмета, вырывались крики: «Вотъ онъ, вотъ онъ! Это онъ, нашъ батюшка, графъ Александръ Васильевичъ!» Вотъ, все, что мы видѣли и слышали. Наскучивъ наконецъ безплоднымъ стараніемъ хотя однажды взглянуть на героя, мы возвратились въ лагерь въ надеждѣ увидѣть его при возвращеніи съ маневровъ, которые, какъ насъ увѣряли, должны были окончиться ранѣе чѣмъ наканунѣ. И подлинно, около десяти часовъ утра, все зашумѣло вокругъ нашей палатки, закричало: «Скачетъ, скачетъ!» Мы выбѣжали и увидѣли Суворова въ 100 саженяхъ отъ насъ скачущаго во всю прыть мимо нашей палатки. Я помню, что сердце мое тогда упало, какъ послѣ упадало при встрѣчѣ съ любимой женщиной. Я весь былъ

взоръ и вниманіе; весь былъ любопытство и восторгъ, и какъ теперь вижу толпу, составленную изъ четырехъ полковниковъ, изъ корпуснаго штаба, адъютантовъ и ординарцевъ, и впереди толпы Суворова, на саврасомъ калмыцкомъ конѣ, принадлежавщемъ моему отцу, въ бѣлой рубашкѣ, въ довольно узкомъ, полотняномъ нижнемъ платьѣ, въ сапогахъ, въ родѣ тоненькихъ ботфортъ, и въ легкой маленькой, солдатской каскѣ, формы того времени, нѣсколько сходной съ формой нынѣшнихъ касокъ гвардейскихъ конныхъ гренадеръ. На немъ не было ни ленты, ни крестовъ: это мнѣ очень памятно, какъ и черты худощаваго лица его, покрытаго морщинами, достойными наблюденія Лафатэра, какъ и поднятыя брови и нѣсколько опущенныя вѣки. Все это, несмотря на дѣтскія лѣта, запечатлѣлось въ моей памяти не менѣе его одежды. Вотъ отчего мнѣ не нравится ни одинъ изъ его бюстовъ, ни одинъ изъ его портретовъ, кромѣ портрета, писаннаго въ Вѣнѣ, во время проѣзда его въ Италію, и котораго вѣрнѣйшая копія находится у меня, да бюста Гишара, изваяннаго по слѣпку съ лица послѣ его смерти. Портретъ искусно выгравированный Уткинымъ, не похожъ: онъ безъ оригинальнаго выраженія его физіономіи и безжизненъ. Когда онъ несся мимо насъ, любимый адъютантъ его Тищенко, человѣкъ совершенно необразованный, но котораго онъ передъ всѣми выставлялъ за своего наставника, и какъ будто слушался его наставленій, Тищенко закричалъ ему: «Графъ! что вы такъ скачете? Посмотрите, вотъ дѣти Василья Денисовича!»—«Гдѣ они? гдѣ они?» спросилъ онъ, и, увидя насъ, поворотилъ въ нашу сторону, подскакалъ къ намъ и остановился. Мы подошли къ нему ближе. Поздоровавшись съ нами, онъ спросилъ у отца моего наши имена; подозвавъ насъ къ себѣ еще ближе, онъ благословилъ насъ весьма важно, протянулъ каждому изъ насъ свою руку, которую мы поцѣловали, и спросилъ меня: «Любишь ты солдатъ, другъ мой?» Я со всѣмъ порывомъ дѣтскаго восторга мгновенно отвѣчалъ ему: «Я люблю графа Суворова; въ немъ все, и солдаты, и побѣда, и слава!»—«О, помилуй Богъ, какой удалой!» сказалъ онъ; «это будетъ военный человѣкъ; я не умру, а онъ уже три сраженія выиграетъ! А этотъ (указавъ на моего брата) пойдетъ по гражданской службѣ!» Съ этимъ словомъ онъ вдругъ поворотилъ лошадь, ударилъ ее нагайкою и поскакалъ къ своей палаткѣ...»

Въ этомъ краткомъ, мастерскомъ описаніи—цѣлая картина, которая прекрасно передана въ рисункѣ художника Коцебу, приложенномъ къ исторіи Суворова Полеваго.

Русскіе портреты, гравированные, по оригиналамъ Шмидта, Флоровымъ и Уткинымъ, были воспроизведены въ разную величину при помощи гравюры или же фототипіи и геліогравюры: наилучшимъ воспроизведеніемъ Флоровскаго большаго портрета служатъ уменьшенныя съ него копіи, гравированныя Флоровымъ же, и появившіяся въ изданіяхъ Фукса: «Исторія россійско-австрійской кампаніи 1799 г.» и «Anecdoten aus dem Leben des Fürsten Italinsky Graf Suworoff Rymnikskу» и въ «русскихъ анекдотахъ Глинки»; портретъ, находящійся въ послѣдней книгѣ, очень типиченъ и сопровождается надписью, заключающею любимыя слова Суворова: «Торопитесь дѣлать добро. Я руской! вы рускіе! съ нами Богъ! «ура»! (орѳографія сохранена)». Съ Фроловскаго же изображенія гравированъ прекрасный портретъ, приложенный къ сочиненію Полеваго: «Русскіе полководцы»; эта гравюра одна изъ наиболѣе

удачныхъ по счастливо переданному сходству. О копіяхъ съ Уткинскаго портрета не стоитъ говорить подробно; онѣ многочисленны, но не интересны.

Кромѣ гравюръ, исполненныхъ по оригинальному портрету, подаренному самимъ Суворовымъ Гримму, двухъ офортъ Валькера съ портретовъ Аткинсона и серіи изображеній въ типѣ оригинала Крейцингера, гравировано нѣсколько Суворовскихъ портретовъ по неизвѣстнымъ оригиналамъ, писаннымъ преимущественно въ Италіи, въ 1799 году, и изъ которыхъ многіе исполнялись съ натуры и потому заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Первымъ упомяну о совершенно не схожемъ съ другими поименованными портретами изображеніи, гравированномъ черной манерой въ Лондонѣ и изданномъ 11-го іюня 1799 года. Оригиналомъ служилъ рисунокъ, исполненный съ натуры въ маѣ 1799 года поручикомъ Фрисомъ, драгунскаго полка Карачая. Гравюра по техникѣ превосходна и очень цѣнится собирателями, такъ какъ она исполнена извѣстнымъ граверомъ, Валентиномъ Гриномъ; особенно рѣдки экземпляры, отпечатанные красками. На принадлежащемъ мнѣ портретѣ краски настолько свѣжи, что многіе, видѣвшіе его, не хотѣли вѣрить, что передъ ними не акварель.

Слѣдующая гравюра особенно замѣчательна какъ по техникѣ исполненія, такъ и по характеру самого изображенія; это большаго размѣра акватинта, изданная 1-го іюня 1800 г. въ Лондонѣ и гравированная Гильбанкомъ по картинѣ, писанной англійскимъ художникомъ Сингельтономъ, съ оригинальнаго рисунка поручика Бискевнини, драгунскаго полка Вальдека. На этой прекрасной гравюрѣ Суворовъ изображенъ во весь ростъ, опирающимся на вынутую изъ портупеи шпагу; онъ повернулся слегка вправо и отдаетъ приказаніе конному драгуну, красивая фигура котораго склонилась передъ фельдмаршаломъ и выражаетъ почтительное вниманіе. Рядомъ съ Суворовымъ водружено знамя и зіяетъ жерло громаднаго орудія; вдали представлено сраженіе. Лицо Суворова на гравюрѣ, хотя, въ общемъ, и не вполнѣ походитъ на другіе его портреты, но вы видите, тѣмъ не менѣе, правильно переданныя его черты и овалъ лица; выраженіе же глазъ просто поражаетъ; тутъ, очевидно, не фантазія, а мастерски схваченная природа. Изо всѣхъ существующихъ гравированныхъ изображеній Суворова, это самое рѣдкое, художественное по исполненію и характерное по передачѣ фигуры, которой напрасно придана излишняя полнота. У Ровинскаго объ этомъ портретѣ сказано: «Рѣдкій листъ; считается за схо-

жій портретъ». Въ моемъ собраніи имѣются два экземпляра этой прекрасной гравюры; изъ нихъ одинъ въ краскахъ.

Также весьма интересна небольшая гравюра, исполненная пунктиромъ, тогда какъ лицо особенно тонко отдѣлано рѣзцомъ. Она изготовлена по рисунку Балли, въ Миланѣ, въ 1799 г. И этотъ портретъ, несмотря на свое различіе съ другими, производитъ впечатлѣніе схожаго и притомъ весьма оригинальнаго изображенія. Чрезмѣрно длинный, совершенно оголенный лобъ даетъ физіономіи своеобразный характеръ; за то глаза, носъ и вся нижняя часть лица несомнѣнно принадлежатъ Суворову и переданы прекрасно; этотъ портретъ не напрасно считается Ровинскимъ «очень типичнымъ» и онъ несомнѣнно принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ изображеній Суворова. Къ сожалѣнію, этотъ портретъ не печатался красками; въ моемъ собраніи онъ имѣется въ весьма отчетливомъ оттискѣ.

Не менѣе интересенъ по техникѣ исполненія, но уступаетъ по сходству, портретъ, гравированный въ Лондонѣ извѣстнымъ Скіавонетти и изданный 21-го іюня 1799 г. Имя художника, съ рисунка котораго исполнена гравюра, неизвѣстно. Суворовъ на портретѣ изображенъ особенно старообразнымъ, съ хитрымъ выраженіемъ глазъ и тонкими, сложенными въ саркастическую улыбку губами. Лобъ и на этомъ изображеніи крайне длиненъ и оголенъ; рѣдкіе, сѣдые волосы на затылкѣ и по вискамъ какъ бы отлетѣли назадъ подъ вліяніемъ порыва вѣтра. Если откинуть нѣкоторые недостатки этого портрета, останется несомнѣнно интересной—передача хитраго, саркастическаго выраженія лица, которое, какъ гласятъ очевидцы, лицо Суворова иногда пріобрѣтало, когда онъ, въ злой ироніи, глумился, напримѣръ, надъ «бѣдными академиками», упрекавшими его въ отсутствіи тактическихъ пріемовъ и въ прямолинейности его боевыхъ движеній, чуждыхъ, такъ называемыхъ, «маршей» и «контръ-маршей». Портретъ Скіавонетти имѣется въ моемъ собраніи и черный, и въ краскахъ.

Къ числу изображеній Суворова, исполненныхъ по неизвѣстнымъ оригиналамъ, слѣдуетъ отнести маленькую гравюру Осипова, представляющую Суворова въ бѣлой рубашкѣ; на шеѣ надѣтъ черный галстухъ и кресты св. Анны и мальтійскій и цѣпь Анунціады. Этотъ портретъ отличается сходствомъ и, какъ таковой, былъ изданъ Глинкою съ двумя различными надписями: «На огнѣ не горѣлъ, на водѣ не тонулъ (слова Артемія Булатова)» и — «Взоръ; быстрота, съ нами Богъ! натискъ; побѣда; — ура! (слова Суворова)»; гра-

вюра за послѣднею надписью была посвящена Глинкой Милорадовичу.

Я закончу свой перечень портретовъ Суворова, гравированныхъ по неизвѣстнымъ оригиналамъ, нѣсколькими словами о превосходномъ изображеніи, принадлежащемъ рѣзцу италіанскаго гравера Альбертолли. Этотъ портретъ рѣдчайшій и особенно интересенъ. Тутъ опять мы стоимъ лицомъ къ лицу съ гравюрой, исполненной по оригинальному, съ натуры писанному портрету и опять наталкиваемся на новое выраженіе лица, задумчивое и хмурое; брови на портретѣ приподняты, что вызвало особое напряженіе морщинъ на лбу; вѣки нѣсколько спущены; эта подробность въ лицѣ Суворова была уже отмѣчена очевидцемъ, Денисомъ Давыдовымъ, и о ней было упомянуто. Нижняя губа на портретѣ показана слегка отвисшей и выдвинутой впередъ; не подтверждаетъ ли эта послѣдняя особенность портрета правильность портрета Крейцингера?... Во всякомъ случаѣ, портретъ Альбертолли передаетъ весьма характерно старческое лицо Суворова, столь часто мѣнявшее свое выраженіе подъ впечатлѣніемъ минуты, среды и настроенія.

Другія гравюры, исполненныя по неизвѣстнымъ оригиналамъ, значительно менѣе интересны, а потому и говорить о нихъ отдѣльно я не буду; онѣ имѣютъ, однако, большую цѣнность для собирателей изображеній Суворова и для тѣхъ, которые желаютъ выработать въ себѣ общій взглядъ на наружность нашего полководца. Изъ числа этихъ гравюръ слѣдуетъ исключить, однако, портреты, на которыхъ Суворову принадлежитъ лишь надпись; такихъ изображеній немало; одно изъ нихъ, напримѣръ, замѣчательно по техникѣ, это великолѣпная акватинта Гоеда, изданная 4-го іюня 1799 г. въ Лондонѣ и изображающая не Суворова, а Вашингтона. Изъ этого факта можно судить о томъ, насколько велика была тогда слава Суворова, что англичане не постѣснились стереть съ гравированной доски имя одного изъ величайшихъ людей англо-саксонской расы, чтобы замѣнить его фамиліей нашего доблестнаго соотечественника!... Въ моемъ собраніи имѣется подлинный акварельный портретъ, съ котораго исполнялась меньшая изъ гравюръ, изображающихъ Вашингтона; на ней какъ и на большомъ экземплярѣ, на президентѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ надѣтъ фельдмаршальскій, шитый золотомъ мундиръ и австрійская лента; подъ гравюрами читается — Suwarow. На имѣющейся у меня акварели сохранилась современная ей, написанная русскими буквами надпись: «Суворофъ Римницкоі». Къ числу изображеній извѣстныхъ

лицъ, изданныхъ подъ именемъ Суворова, слѣдуетъ отнести и одинъ изъ портретовъ Растопчина. Всего курьезнѣе то, что впослѣдствіи, послѣ смерти Суворова, тотъ же портретъ появился опять, но уже подъ своимъ настоящимъ именемъ.

Къ числу портретовъ другихъ лицъ, выдаваемыхъ за Суворовскіе, обращаетъ на себя вниманіе цѣлая серія изображеній съ гравюрой Courbe'а во главѣ. На этихъ портретахъ Суворовъ изображенъ съ калмыцкой физіономіей, широкимъ лицемъ, выдающимися скулами и общимъ грубымъ, звѣрскимъ выраженіемъ лица. На италіанскомъ же портретѣ, гравированномъ Кампарелли и сохраняющемъ тотъ же типъ, Суворовъ представленъ во весь ростъ и ему придано сложеніе атлета съ невѣроятно развитыми икрами. Портреты Кампарелли рѣдко встрѣчаются; особенно интересны тѣ, которые сохранили изданную вмѣстѣ съ ними біографію Суворова на италіанскомъ языкѣ. Изъ двухъ экземпляровъ этой гравюры, имѣющихся въ моемъ собраніи, одна имѣетъ это весьма любопытное приложеніе.

О профильныхъ изображеніяхъ Суворова было уже говорено; они довольно многочисленны и далеко не исчерпываются 28-ю номерами, показанными у Ровинскаго. Въ моемъ собраніи есть нѣсколько совершенно еще неизвѣстныхъ профильныхъ портретовъ Суворова и въ числѣ ихъ особенно типиченъ одинъ, гдѣ Суворовъ представленъ въ малой гренадерской каскѣ, на подобіе тѣхъ, которыя сохранили и нынѣ конно-гренадеры. Ровинскому былъ извѣстенъ другой портретъ въ такой же каскѣ, съ большимъ козырькомъ, называемой schako; портретъ этотъ не профильный; онъ принадлежитъ къ числу схожихъ изображеній. Изъ профильныхъ изображеній также очень типиченъ портретъ, гравированный въ 1799 г. въ Лейпцигѣ Эндеромъ и гдѣ Суворовъ изображенъ въ шлемѣ римскаго воина. Эта маленькая гравюра очень недурно передаетъ черты лица фельдмаршала.

Передъ тѣмъ, чтобы перейти къ описанію нѣкоторыхъ, относящихся къ Суворову, гравированныхъ батальныхъ и алегорическихъ картинокъ, слѣдуетъ упомянуть о конныхъ его портретахъ, которые вообще встрѣчаются рѣдко. Кромѣ лубочныхъ портретовъ Ровинскому, было извѣстно четыре конныхъ изображенія Суворова, не отличающіеся сходствомъ. На одномъ изъ принадлежащихъ мнѣ конныхъ портретовъ Суворовъ изображенъ гарцующимъ на чудномъ фламандскомъ конѣ, вродѣ тѣхъ, которые встрѣчаются на картинахъ Вувермана, и самому фельдмаршалу приданъ фламандскій типъ.

Вся гравюра очень интересно составлена и принадлежитъ къ числу особенно рѣдкихъ.

Изъ лубочныхъ конныхъ изображеній, которыхъ извѣстно до восьми, болѣе замѣчательна картинка, находящаяся въ моемъ собраніи и изданная въ 1806 г.: на первомъ планѣ представлены конныя фигуры Суворова и Багратіона; подъ ними очень недурные по замыслу стихи: «Гласъ Суворова князю Петру Ивановичу Багратіону и кантата князю Багратіону». Этотъ листъ теперь найти почти невозможно, какъ, впрочемъ, и другія лубочныя изображенія Суворова.

Батальныя картинки, имѣющія сюжетомъ сраженія, въ которыхъ участвовалъ Суворовъ, встрѣчаются довольно рѣдко и въ особенности большіе листы: раньше всѣхъ слѣдуетъ упомянуть о великолѣпной гравюрѣ, исполненной въ 1892 г., въ Вѣнѣ, Бартчемъ, съ картины Казановы; эта гравюра была издана въ двухъ экземплярахъ—большомъ и маломъ—и изображаетъ штурмъ Очакова; она посвящалась Императрицѣ Екатеринѣ II. Оригинальная картина Казановы была написана для князя Потемкина, въ кабинетѣ котораго она и помѣщалась; судя по гравюрамъ, по ней исполненнымъ, она принадлежитъ къ числу особенно удачно переданныхъ батальныхъ сюжетовъ какъ по групировкѣ лицъ и изображенію мѣстности, такъ и по жизненности представленныхъ фигуръ: передъ вами ожесточенный, отчаянный бой, завершившійся взятіемъ крѣпости, подъ которой столь долго и напрасно держалъ Потемкинъ русскія войска. На первомъ планѣ изображена фигура въ бѣломъ одѣяніи и гренадерской каскѣ на головѣ, съ обнаженнымъ палашомъ въ рукѣ, ведущая на приступъ свою колонну. Многіе, и я въ томъ числѣ, хотятъ видѣть въ этой фигурѣ Суворова, употреблявшаго, какъ извѣстно, палашъ въ бою, носившаго охотно въ сраженіи бѣлое одѣяніе и гренадерскую каску; но противъ такого заключенія возстаютъ другія соображенія: картина Казановы составлена во всемъ согласно указаніямъ и рисункамъ Потемкина, не благоволившаго въ то время къ Суворову и сильно завидовавшаго ему вообще и въ особенности послѣ славнаго взятія Измаила; при такихъ условіяхъ трудно допустить завѣдомое изображеніе Суворова на первомъ планѣ картины, всецѣло вдохновленной Потемкинымъ. Не берусь категорически рѣшить этотъ весьма интересный вопросъ, но полагаю, что въ письмахъ Потемкина можно было бы разыскать указанія на то, что это за фигура, столь рельефно представленная?...

Очень интересна серія изъ 16-ти гравюръ, исполненныхъ раз-

ными рѣзчиками въ 1795—1799 годахъ; эти гравюры, составляющія илюстраціи къ сочиненію Антинга—«Жизнь и военныя дѣянія генералисимуса князя Италійскаго графа Суворова Рымникскаго», изображають: взятіе Глогау 1761 г., побѣду надъ гетманомъ Огинскимъ при Сталовичахъ 1770 г., взятіе Краковскаго зáмка 1771 г., сраженіе при Туртукаѣ 1773 г., сраженіе при Козлуджи 1773 г., приводъ къ Суворову комендантомъ Уральской крѣпости Пугачева 1775 г., отплытіе капитана-паши изъ Крыма 1777 г., пораженіе ногайскихъ татаръ 1783 г., сраженіе при Кинбурнѣ 1787 г., вылазку турокъ изъ Очакова 1788 г., сраженіе при Ѳокшанахъ 1789 г., побѣду надъ великимъ визиремъ близъ Рымника 1789 г.; приступъ и взятіе Измаила 1790 г.; Суворова, отдыхающаго на соломѣ, прибытіе варшавскихъ депутатовъ къ Суворову и вступленіе Суворова въ Варшаву.

Всѣ эти изображенія гравированы очень тонко; они встрѣчаются въ изданіяхъ сочиненія Антинга на русскомъ, англійскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Гравюры съ русскимъ текстомъ встрѣчаются значительно рѣже. Сочиненіе Антинга было издано на русскомъ языкѣ Парпурою; оно замѣчательно тѣмъ, что первую изъ трехъ частей читалъ самъ Суворовъ, остальныя же части просматривали довѣренныя Суворова лица; о сочиненіи Антинга велась Суворовымъ переписка съ Хвостовымъ и Антингу выдавались отъ Суворова денежныя субсидіи. Суворовъ требовалъ, чтобы въ книгѣ помѣщалось одно только описаніе военныхъ дѣйствій. На мѣдныхъ доскахъ, съ которыхъ печатались илюстраціи книги Антинга, для изданія Парпуры были выгравированы паралельно съ французскими и русскія надписи; доска же съ изображеніемъ Пугачева въ русскомъ изданіи замѣнена новой.

Большинство остальныхъ батальныхъ картинокъ, относящихся къ побѣдамъ Суворова, исполнено граверомъ Виллемъ (Loh. Martin Will), работавшимъ въ Аугсбургѣ. Гравюры Вилля въ художественномъ отношеніи не замѣчательны, но весьма интересны для собирателя сюжетовъ Суворовскихъ баталій; онѣ очень рѣдки и мнѣ ни разу не пришлось ихъ встрѣтить у торговцевъ эстампами. Эти гравюры имѣютъ безграмотныя французскія надписи. Рѣзцу Вилля принадлежатъ, между прочимъ, картинки: Осада Фокшанъ, взятіе Измаила и взятіе Праги и, кромѣ того, одинъ мало схожій профильный портретъ Суворова. Несравненно выше по техникѣ исполненія гравюра Скіавонетти, изображающая сраженіе русско-австрійскихъ войскъ съ французами на рѣкѣ Аддѣ 16-го апрѣля 1799 года; на

гравюрѣ это сраженіе названо: «Bataille entre les armées combinées autrichiennes et russes et celle de la république française près Pozzo et Brevio après le forcement du passage de l'Adda le 27 Avril 1799». Эта прекрасная и рѣдкая гравюра, исполненная по неизвѣстной масляной картинѣ Сингельтона, встрѣчается отпечатанной красками, бистромъ и обыкновенными оттисками. Мнѣ съ большимъ трудомъ удалось достать экземпляръ этой гравюры, отпечатанный бистромъ, черезъ торговый домъ Антоніо Гранди въ Миланѣ.

Изо всѣхъ батальныхъ картинокъ, относящихся къ Суворовскимъ походамъ, особенно интересны три большія гравюры Вендрамини, исполненныя по рисункамъ Роберта Портера и изданныя въ Лондонѣ въ 1805 году. Гравюры Вендрамини имѣютъ сюжетомъ батальныя сцены въ Швейцаріи въ 1799 году; онѣ прекрасно передаютъ альпійскую мѣстность, а фигурамъ вообще придана особенная жизненность. Одна изъ гравюръ изображаетъ наступленіе нашихъ войскъ къ «Чертову мосту»: по горному ущелью, между нависшими скалами, движется пѣхота и казаки, послѣдніе вооружены укороченными пиками; казаки помогаютъ тащить горное орудіе, запряженное парою лошадей; за нимъ ведутъ двухъ муловъ, нагруженныхъ казачьими пиками и походными вьюками Суворова. На противоположныхъ скалахъ видѣнъ непріятель, стрѣляющій по движущейся колоннѣ; но и онъ поражается огнемъ нашихъ стрѣлковъ: одинъ изъ французскихъ офицеровъ представленъ падающимъ; къ нему бросается товарищъ. На полугорѣ стоитъ маленькая часовня, а вдали виднѣется очертаніе «Чертова моста». Рисунокъ Портера исполненъ мастерски; въ немъ не дано мѣста безжизненнымъ фигурамъ съ условными позами куколъ изъ паноптикума; тутъ все преисполнено движенія: люди и животныя напрягаютъ силы и спѣшатъ идти впередъ; загорѣлыя, мужественныя лица нашихъ солдатъ и казаковъ полны энергіи и вся картина производитъ сильное, реальное впечатлѣніе. Не менѣе хороша другая гравюра, изображающая сраженіе у «Чертова моста»: наши уже прошли черезъ тунель, называемый «Урнеръ-Лохъ», и штурмуютъ «Чертовъ мостъ»; въ первыхъ рядахъ непріятеля французскій всадникъ принятъ на пики казаковъ; лошадь его взвилась на дыбы и должна упасть въ пропасть, куда скатился уже другой конь съ своимъ всадникомъ. На поворотѣ горной дороги, по ту сторону потока, поставлена французами пушка, направленная противъ штурмующей колонны. У выхода, вѣроятно, изъ Урнерскаго тунеля, на краю обрыва, стоитъ Суворовъ въ бѣлой рубашкѣ и бѣломъ исподнемъ платьѣ, безъ

шапки, съ мальтійскимъ крестомъ на шеѣ; на немъ одинъ только ботфортъ, а другая нога, раненая, въ красной туфлѣ. Онъ поднялъ къ небу обѣ руки, изъ которыхъ одна держитъ обнаженную шпагу; у ногъ его лежитъ раскрытая книга; рядомъ съ нимъ священникъ, склонившійся на колѣни, произноситъ молитву. Около Суворова стоитъ Великій Князь Константинъ Павловичъ и какой-то роскошно одѣтый гусаръ подходитъ къ фельдмаршалу. Старикъ казакъ, съ Очаковскимъ крестомъ на груди, держитъ около Суворова бѣлаго коня; тутъ же стоитъ и другая лошадь. Колонна, посылаемая въ обходъ праваго фланга французской позиціи, спускается съ обрыва, чтобы перейти рѣку Рейсу. Скалы противоположнаго берега еще заняты французами и непріятельскіе стрѣлки бьютъ изъ-за утесовъ на выборъ нашихъ солдатъ, тѣлами которыхъ усѣянъ путь. Всѣмъ фигурамъ даны естественныя позы и картинка вообще въ высшей степени любопытна по своей оригинальности и прекрасно составленному рисунку. Эта гравюра посвящена Императору Александру I, портретъ котораго имѣется между столбцами пояснительнаго текста. Третья гравюра изображаетъ атаку французской позиціи Багратіономъ, ведущимъ на приступъ казаковъ; въ перспективѣ—долина Рейсы, а вдали—очертаніе Люцернскаго озера. И эта картинка отличается также прекрасной передачей сюжета: конная фигура Багратіона стремительно несется отъ васъ къ представленному на второмъ планѣ врагу; пѣшіе казаки, которыхъ Багратіонъ воодушевляетъ своимъ примѣромъ, кидаются на непріятеля съ опущенными пиками; лица ихъ выражаютъ отвагу и рѣшимость; впереди ихъ, съ шашкою на-голо, идетъ бородачъ съ Очаковскимъ крестомъ на груди.

Всѣ три гравюры Вендрамини встрѣчаются очень рѣдко въ рукахъ одного и того же лица и даже въ собраніи Ровинскаго находилась лишь послѣдняя изъ трехъ описанныхъ гравюръ. Особенно рѣдки экземпляры, исполненные красками. Въ моемъ собраніи имѣются всѣ три картинки Вендрамини, прекрасно сохранившіяся, отпечатанныя красками и пройденныя затѣмъ акварелью; онѣ уже интересны потому, что принадлежали сыну генералисимуса и отъ него перешли къ генералъ-адъютанту князю Суворову, особенно ими дорожившему. Но затѣмъ онѣ попали въ чужія руки и послѣ разныхъ странствованій были наконецъ розысканы мной и откуплены. Изъ имѣющагося у меня множества гравюръ, относящихся къ Суворовской эпохѣ, эти три картины однѣ изъ наиболѣе рѣдкихъ и цѣнныхъ.

Вендрамини (Giovanni Vendramini 1769—1835), гравировавшій

описанные батальные сюжеты, былъ ученикомъ Бартолоцци; онъ работалъ въ Петербургѣ съ 1805 по 1807 годъ; его рѣзцу мы обязаны прекрасными гравированными изображеніями Императора Александра I, Великой Княгини Екатерины Павловны, Бекетова, Бибикова и др. Джіованни Вендрамини не слѣдуетъ смѣшивать съ Францемъ Вендрамини, издавшимъ галерею генераловъ 1812 года.

Не вдаваясь далѣе въ подробное описаніе другихъ батальныхъ картинокъ и военныхъ сюжетовъ, относящихся къ Суворову и его времени, слѣдуетъ, однако, упомянуть о гравюрѣ Шютца, изображающей Рымникское сраженіе, о прекрасной маленькой картинкѣ извѣстнаго гравера Даніила Ходовецкаго, составляющей одну изъ иллюстрацій книги: «Almanach historique et généalogique de la vie de Catherine II» и о весьма тонкой гравюрѣ, исполненной по рисунку талантливаго Дюплесси Берто и представляющей сраженіе при Нови и смерть Жубера.

Изъ алегорическихъ и эпизодическихъ сюжетовъ всего болѣе замѣчательна большая акватинта, изображающая Суворова во весь ростъ, опирающагося на фельдмаршальскій жезлъ; фигурѣ полководца придана неестественная поза; передъ Суворовымъ—склоненная женская фигура (Варшава) подноситъ печать города, съ изображеніемъ сирены, и ключи. Надъ головой Суворова парящій ангелъ держитъ лавровый вѣнокъ: другой же геній, также въ облакахъ, держитъ въ рукахъ щитъ съ надписью—«Polonia recepta» На столѣ, около Суворова, лежитъ его шляпа, украшенная бриліантовымъ бантомъ за Крупчицы и Брестъ, а также и алмазнымъ плюмажемъ съ буквою К, за Кинбурнъ; тутъ же лежатъ шейные знаки иностраннаго ордена и бриліантовая съ эмалью табакерка, поднесенная Варшавой своему избавителю и имѣвшая на себѣ надпись—«Warczawa zbawcy swemu». У ногъ фельдмаршала лежитъ громадный барабанъ и сложены знамена и рыцарскіе доспѣхи. Эта алегорическая картинка теперь уже рѣдко встрѣчается, не иначе какъ въ большихъ собраніяхъ любителей; во время моей продолжительной и обширной переписки съ иностранными фирмами, торгующими гравюрами, мнѣ ни разу не предлагали этого листа, который мнѣ доставилъ Фельтенъ; мой экземпляръ исполненъ красками.

Не менѣе рѣдка маленькая алегорическая картинка, изображающая Императрицу Екатерину II, жалующую Суворову, побѣдителю Визиря при Рымникѣ, золотую шпагу; справа показана група преклоненныхъ турокъ. Очень интересна и другая алегорическая картинка, гдѣ Суворовъ, представленный во весь

подаетъ Италіи въ образѣ женщины корону и пальмовую вѣтвь, какъ эмблему мира; надъ Суворовымъ парящій орелъ держитъ вѣнокъ. Также весьма любопытна русская гравюра, гдѣ Суворовъ изображенъ бесѣдующимъ съ Харономъ; эта картинка служитъ илюстраціей къ сочиненію Евдокіи Тыртовой—«Разговоры въ царствѣ мертвыхъ Суворова съ Харономъ и Петра Великаго съ Фридрихомъ Великимъ и Суворовымъ».

Къ числу болѣе интересныхъ эпизодическихъ картинокъ слѣдуетъ отнести гравюру, неправильно изображающую Суворова совершенно молодымъ, принимающимъ, послѣ взятія Измаила, турецкихъ пашей, а также двѣ гравюры, изъ которыхъ первая представляетъ объѣздъ Суворовымъ войскъ въ Италіи, а вторая — смотръ русскихъ войскъ въ Вѣнѣ въ присутствіи австрійскаго императора Франца II. Но наиболѣе удачная, по отношенію къ сходству—картинка, изображающая Павла I, надѣвающаго на шею, преклонившагося на одно колѣно Суворова, цѣпь съ большимъ крестомъ Мальтійскаго ордена. Встрѣчаются экземпляры этой интересной гравюры съ русскою надписью, содержащей слова, произнесенныя въ этомъ случаѣ Суворовымъ: «Господи! спаси Царя», и отвѣтъ Павла—«Тебѣ ихъ (царей) спасать». Съ этой довольно рѣдкой гравюры, имѣющейся въ Эрмитажѣ, была вылѣплена група, воспроизведенная затѣмъ въ бронзѣ и поднесенная въ 1874 году генералъ-адъютанту князю Суворову; по послѣ его смерти она попала, вмѣстѣ съ другими предметами, въ чужія руки и нынѣ находится у генерала Р. Описываемая група прекрасно передаетъ фигуры Павла и Суворова и отличается большимъ сходствомъ.

Приходится въ числѣ изображеній упомянуть и о памятникѣ Суворова, который, какъ говоритъ Ровинскій, «не имѣетъ никакого сходства съ Суворовымъ и ничего общаго съ нимъ по типу». Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться и можно съ полной справедливостью добавить, что никто изъ русскихъ не можетъ теперь себѣ представить Суворова въ образѣ римскаго воина, самый славный подвигъ котораго, если судить по памятнику, долженъ былъ бы заключаться въ охранѣ сардинской короны и папской тіары!... Несравненные боевые подвиги Суворова на пользу и славу родины вообще должны были бы привести къ убѣжденію въ томъ, что это странное алегорическое изваяніе, столь далекое отъ того представленія, которое составилъ народъ о личности своего героя, слѣдовало бы замѣнить другимъ, болѣе достойнымъ, понятнымъ памятникомъ; Ахиллеса же, работы Козловскаго, можно было бы пере

нести въ одну изъ залъ Суворовскаго музея, гдѣ онъ находился бы у мѣста, вмѣстѣ съ многими, не схожими, но интересными въ историческомъ отношеніи изображеніями Суворова. Статуя Козловскаго имѣетъ свои гравированныя изображенія, изъ которыхъ самое рѣдкое исполнено въ 1801 году Плаховымъ, подвергшимся за это преслѣдованію со стороны Козловскаго, безъ разрѣшенія котораго гравировалась доска. Вслѣдствіе жалобы сего послѣдняго, эта доска была арестована, а оттиски почти всѣ сожжены, чѣмъ и объясняется ихъ рѣдкость. Въ моемъ собраніи имѣется листъ Плахова и другія гравюры съ изображеніемъ того же памятника, исполненныя Скотниковымъ.

Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ прошлаго столѣтія, появились преимущественно въ Англіи карикатуры на Суворова; нѣкоторыя изъ нихъ весьма характерны и даютъ понятія о томъ представленіи, которое составили себѣ англичане о нашемъ великомъ полководцѣ, пользовавшемся въ 1799 году по ту сторону Ламанша особенной популярностью.

Изъ числа карикатуръ, особенно злая и несправедливая по содержанію, извѣстна подъ названіемъ «royal recreation» или «царская забава»; она была издана въ Лондонѣ 7-го января 1795 года и изображаетъ Суворова, подносящаго Екатеринѣ II отрубленныя головы женщинъ и дѣтей, убитыхъ «послѣ капитуляціи Варшавы», акты которой торчатъ изъ кармана Суворова. Въ уста Екатерины и фельдмаршала карикатуристъ вложилъ циничныя, тенденціозно сочиненныя рѣчи.

Очень забавна карикатура, изданная 7-го сентября 1799 года, въ Лондонѣ, Акерманомъ и представляющая Суворова смотрящимся въ зеркало, на которомъ читается англійская надпись—«не бывшее въ употребленіи въ теченіе этихъ послѣднихъ сорока лѣтъ»; а подъ рисункомъ: «нѣчто новое, или Суворовъ и его зеркало, въ которое онъ смотрится съ тѣхъ поръ, какъ онъ возросъ въ собственномъ мнѣніи». Суворовъ на этой карикатурѣ представленъ въ одѣяніи на подобіе того, въ которомъ появляется на сценѣ Мефистофель, въ оперѣ Фаустъ; на плечи его накинута львиная шкура; онъ опоясанъ кушакомъ, къ которому привѣшена большая кривая сабля; на табуретѣ сложенъ фельдмаршальскій жезлъ и шлемъ съ малиновымъ перомъ. Суворовъ на этомъ рисункѣ изображенъ совершенно лысымъ, съ громаднымъ выпуклымъ затылкомъ и длинными закрученными усами, которыхъ онъ никогда не носилъ; фигура представлена рисующейся передъ зеркаломъ и ей придано сложеніе атлета. Эта карика-

тура не была извѣстна Ровинскому и имѣется въ моемъ собраніи, отпечатанная красками. Приблизительно, съ такою же внѣшностью, изображенъ Суворовъ на извѣстной англійской карикатурѣ Жильрая, также изданной въ 1799 году. Этотъ рисунокъ представляетъ собою скорѣе непохожій портретъ, чѣмъ карикатуру, и авторъ его не имѣлъ въ виду представить Суворова смѣшнымъ. Онъ придалъ всей его фигурѣ особенно мощный, свирѣпый видъ. Для воспроизведенія лица пользовались несхожимъ портретомъ, гравированнымъ Чапманомъ. Фельдмаршалъ изображенъ въ бѣломъ одѣяніи, опушенномъ мѣхомъ; на плечи накинутъ зеленый, подбитый мѣхомъ плащъ; онъ опирается на обнаженную, окровавленную саблю; вдали представленъ пылающій Измаилъ. Лицо Суворова на этомъ изображеніи отличается звѣрскимъ выраженіемъ; ему приданы усы и лохматыя брови, а на щекѣ показана волосатая бородавка; на чрезмѣрно широкомъ и совершенно оголенномъ лбѣ виденъ глубокій рубецъ отъ сабельной раны. Въ свое время эта карикатура имѣла въ Англіи болѣе широкое обращеніе, чѣмъ какой либо изъ портретовъ Суворова; она даетъ намъ понятіе о томъ, какимъ, по внѣшности, понимали въ Англіи Суворова. Въ представленіи англичанъ несокрушимые боевые успѣхи Суворова не могли быть достигнуты, иначе какъ человѣкомъ богатырскаго сложенія и вотъ они для полной гармоніи придаютъ ему фигуру чуть ли не геркулеса. Подъ карикатурой находится весьма интересная надпись слѣдующаго содержанія: «Этотъ замѣчательный человѣкъ находится теперь въ расцвѣтѣ жизненныхъ силъ, онъ ростомъ шесть футовъ и десять инчевъ; онъ не пьетъ ни вина, ни водки; ѣстъ лишь разъ въ день и каждое утро погружается въ ледяную ванну; одежда его состоитъ изъ простой рубашки, бѣлаго жилета и такихъ же брюкъ, короткихъ сапоговъ и русскаго плаща; онъ ничего не носитъ на головѣ ни днемъ, ни ночью; когда испытываетъ усталость, то заворачивается въ простыню и спитъ на открытомъ воздухѣ; онъ предводительствовалъ въ 29-ти генеральныхъ сраженіяхъ и участвовалъ въ 75-ти бояхъ».

Совершенно другой, чисто политическій характеръ, имѣетъ карикатура на Раштадтскій конгресъ, собранный въ 1797 году для умиротворенія Пруссіи и Франціи; послѣдняя изъ державъ требовала секуляризаціи владѣній трехъ духовныхъ курфюрствъ. На карикатурѣ епископы Кельнскій, Майнскій и Трирскій изображены призывающими и тщетно ожидающими помощи императора Павла, представленнаго, вмѣстѣ съ Суворовымъ, въ облакахъ, ведущимъ на выручку курфюрствъ, оборванныя и босыя русскія войска. Француз-

скіе уполномоченные на конгресѣ показаны отдѣльно и глумящимися надъ тщетными ожиданіями епископовъ, надъ головами которыхъ паритъ украшенный фригійской шапкой Борей, весьма неприлично дующій въ обѣ стороны — на русскихъ и на министра майнскаго курфюрста Альбини. Надъ этой картиной летаетъ жалкій, общипанный австрійскій орелъ, выдерганныя перья котораго разнесъ вѣтеръ на всѣ стороны.

Очень забавна англійская карикатура, изданная въ 1799 году и изображающая Суворова въ видѣ толстаго, спившагося кондотьери, съ трубкою въ зубахъ, ведущаго благодушно въ поводу въ Россію связанныхъ членовъ французской директоріи, заплаканныя лица которыхъ выражаютъ глубокое отчаяніе, а сложенныя руки молятъ о пощадѣ. На картузѣ и портупеѣ Суворова изображены мертвыя головы, а за поясомъ воткнута цѣлая колекція пистолетовъ. Другая карикатура, также относящаяся къ побѣдамъ Суворова, изображаетъ его пожирающимъ французовъ, которые представлены разбѣгающимися отъ него во всѣ стороны, тогда какъ онъ, попирая ихъ ногами, захватываетъ бѣгущихъ двумя громадными вилками и жадно глотаетъ. Карикатура носитъ названіе «General Swallow» или «генеральное проглатываніе» и сопровождается притомъ предостереженіемъ по адресу директоріи: «берегитесь: если онъ дойдетъ до Парижа, то директорія едва послужитъ для него и закуской...» Съ распаденіемъ коалиціи англичане становятся уже менѣе любезными по отношенію къ Суворову и, приписывая ему пораженіе, понесенное Римскимъ-Корсаковымъ подъ Цюрихомъ, заставляютъ въ другой карикатурѣ «General Swallow» изрыгать, подъ вліяніемъ лѣкарства, прописаннаго ему Массеной, все поглощенное имъ. Тутъ помимо проглоченныхъ французовъ изрыгаются и жертвы прежнихъ побѣдъ.

Заканчивая описаніе суворовскихъ карикатуръ, считаю необходимымъ упомянуть о весьма интересномъ листѣ, находящемся въ моей колекціи и относящемся по сюжету и всѣмъ признакамъ къ Суворову. Это превосходно и художественно исполненная большая акватинта, изображающая нашествіе медвѣдей на лягушекъ. Какъ извѣстно, въ концѣ прошлаго вѣка въ особенности, да и вплоть до настоящаго времени даже, представляли и представляютъ алегорически Россію въ видѣ медвѣдя; что же касается Суворова, то въ современныхъ карикатурахъ онъ не разъ изображался въ такомъ видѣ. На описываемой картинкѣ представлено шествіе вооруженныхъ медвѣдей, чинно и мощно подвигающихся плотной своей массой изъ задняго плана картины на первый планъ, гдѣ ихъ

встрѣчаютъ огнемъ изъ пушекъ и ружей лягушки. Во главѣ медвѣжьей арміи грозно ступаетъ большой бѣлый медвѣдь, закалывающій штыкомъ лягушку; медвѣдю придана физіономія, очень схожая съ Суворовскою и характерный чубъ, носимый фельдмаршаломъ на лбу. Лягушки, не выдержавшія напора врага, въ смятеніи бросаются на утекъ; изъ нихъ нѣкоторымъ удается нырнуть въ близъ лежащую лужу...

Къ сожалѣнію, экземпляръ этой картинки, находящійся въ моемъ собраніи, составляетъ пробный оттискъ гравера, исполненный ранѣе всякой подписи, а потому и не содержитъ какихъ бы то ни было пояснительныхъ надписей. Въ рукахъ же другихъ лицъ я такой гравюры не встрѣчалъ, также не нашелъ ея описанія въ каталогахъ. Одно несомнѣнно, что медвѣди на рисункѣ изображаютъ русскихъ, а по техникѣ гравюры, что она была исполнена въ послѣднихъ годахъ прошлаго вѣка и, всего вѣроятнѣе, въ Англіи.

Передъ тѣмъ, чтобы перейти къ общему очертанію внѣшности Суворова, какой она намъ представляется изъ множества его изображеній, считаю необходимымъ упомянуть о трехъ портретахъ генералисимуса, принадлежащихъ князю Валеріану Сергѣевичу Оболенскому. Эти портреты особенно интересны потому, что они принадлежали прабабушкѣ князя Оболенскаго, дочери Суворова, вышедшей замужъ за графа Николая Зубова, брата извѣстнаго любимца Екатерины II. Изъ изображеній Суворова, принадлежащихъ князю Оболенскому, особенно замѣчательна миніатюра, превосходно передающая черты и выраженіе генералисимуса, который на этомъ портретѣ представленъ въ русскомъ фельдмаршальскомъ мундирѣ при всѣхъ регаліяхъ и съ лентою Андрея Первозваннаго черезъ плечо. Эта миніатюра исполнена въ совершенствѣ и сохранила всю нѣжность красокъ; голубые глаза Суворова переданы особенно жизненно и миніатюра производитъ впечатлѣніе большого сходства. Описываемое изображеніе чрезвычайно похоже на прекрасный Суворовскій портретъ, находящійся въ великогерцогской библіотекѣ въ Веймарѣ и имѣетъ единственный общій съ нимъ недостатокъ, заключающійся въ нѣкоторомъ удлиненіи нижней части лица. Также интересенъ и другой, масляной краски, небольшой портретъ, принадлежащій тому же лицу и отличающійся отъ всѣхъ другихъ мнѣ извѣстныхъ изображеній Суворова, но производящій, тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе портрета, не лишеннаго сходства. Генералисимусъ изображенъ въ австрійскомъ, бѣломъ фельдмаршальскомъ мундирѣ, что указываетъ на то, что этотъ портретъ не могъ быть написанъ ранѣе

1799 года; между тѣмъ, Суворову приданъ, несоотвѣтственно дѣйствительности, слишкомъ моложавый видъ; волосъ показано слишкомъ много и характерныя морщины лица, одинаково отмѣчаемыя на всѣхъ портретахъ Суворова, тутъ едва замѣтны. У нѣкоторыхъ потомковъ Суворова по женской линіи имѣются копіи съ этого портрета, считавшагося въ колѣнѣ рода Зубовыхъ, происходящемъ отъ дочери Суворова, особенно схожимъ. Третій портретъ Суворова, принадлежащій князю Оболенскому, менѣе интересенъ, чѣмъ другіе и я былъ бы склоненъ признать въ немъ копію съ какого нибудь неизвѣстнаго портрета, написаннаго въ періодъ 1795—1796 годовъ, на что указываетъ прическа (парикъ), русскій фельдмаршальскій мундиръ и ордена. Этотъ портретъ, хотя, какъ мнѣ кажется, и не оригинальный, но несомнѣнно современенъ Суворову, что и придаетъ ему цѣнность [1]).

Свидѣтельства очевидцевъ, къ сожалѣнію очень скудныя, и внимательное изученіе разныхъ, исполненныхъ съ натуры, изображеній Суворова даютъ возможность вывести одно общее заключеніе о его внѣшности, которое, однако, далеко нельзя признать за безповоротно вѣрное.

Мы можемъ составить себѣ понятіе о внѣшности Суворова, лишь начиная съ 60-ти-лѣтняго его возраста и до дня его смерти, на 70-ти-лѣтнемъ году его жизни, когда была снята съ него, съ умершаго, маска, дающая основаніе болѣе точно судить о развитіи лобныхъ костей черепа, о формѣ носа, о размѣрѣ скулъ и общемъ, хотя уже нѣсколько искаженномъ болѣзнію, овалѣ лица. Какъ было уже упомянуто въ началѣ предлежащей статьи, мы не имѣемъ изображеній Суворова, относящихся къ молодымъ его годамъ; первое его изображеніе, профильное, появляется на медали Леберехта, выбитой въ 1790 году, когда Суворову было уже 60 лѣтъ. Медаль эта, весьма артистичная по исполненію, не даетъ намъ матеріала для какихъ бы то ни было точныхъ выводовъ; одно лишь несомнѣнно, что и въ это время Суворовъ иногда слегка выдвигалъ нижнюю губу, каковая черта отмѣчена и на позднѣйшихъ портретахъ. На медали,

[1]) Такъ какъ настоящая статья посвящена исключительно изображеніямъ Суворова, я лишенъ возможности дать въ ней описаніе другихъ, весьма интересныхъ портретовъ, принадлежащихъ князю Оболенскому и изображающихъ разныхъ членовъ Суворовской семьи. Въ числѣ этихъ портретовъ заслуживаютъ особеннаго вниманія миніатюры жены Суворова, его дочери и зятя—гр. Зубова, прекрасные масляной краски портреты жены Суворова въ возрастѣ не болѣе 26-ти лѣтъ и дочери его, «Суворочки», дѣвочки 7-ми—8-ми лѣтъ. Также интересны портреты сестры Суворова—Олешевой и племянницы его—Хорватъ.

какъ и на другихъ изображеніяхъ, замѣчается правильный, скорѣе тонкій, и пропорціональный носъ.

Лицо у Суворова было овальное, слегка продолговатое, изобличающее его скандинавское происхожденіе; лобъ былъ высокій, съ достаточно развитыми лобными костями; глаза были довольно большіе, голубые, нѣсколько углубленные въ орбитахъ, полные жизни и мысли и отличавшіеся особенною подвижностью и измѣнчивостью выраженія. Вѣки были нѣсколько спущены, что въ минуты задумчивости придавало Суворову хмурое выраженіе. Брови были какъ бы вздернуты, и отъ почти постояннаго напряженія мысли соединялись у носа въ одну глубокую складку, ярко очерченную на всѣхъ его портретахъ. Кожа на лбу, по той же причинѣ, собралась въ цѣлый рядъ глубокихъ продольныхъ морщинъ, отмѣченныхъ на всѣхъ болѣе схожихъ его изображеніяхъ. Ротъ у Суворова былъ небольшой, пріятной формы, съ неособенно мясистыми губами; онъ складывался то въ ласково-добродушную улыбку, то въ саркастическую. Судя по формѣ рта на портретахъ, бюстѣ и маскѣ Суворова, онъ сохранилъ до смерти зубы. Подбородокъ у него былъ небольшой и не выпуклый, а правильной формы и скорѣе тонкій; уши были средней величины и не выступающія. Лицо его было худощавое, съ нѣсколько впалыми щеками и двумя ясно очерченными вертикальными складками по обѣ стороны рта. Вплоть до послѣдней своей болѣзни, сведшей его въ могилу, Суворовъ сохранилъ на лицѣ румянецъ. Волосы у него были рѣдкіе, сѣдые, заплетаемые на затылкѣ въ маленькую косичку. Нѣтъ основаній къ тому, чтобы заключить, что онъ носилъ вообще парикъ; но первые его портреты указываютъ на то, что онъ пудрилъ волосы и носилъ, обычную тому времени прическу, со спущенными и закрученными на вискахъ и зачесанными назадъ на лбу волосами. Эта прическа особенно измѣняетъ физіономію Суворова и создаетъ кажущееся несходство этихъ портретовъ съ тѣми, гдѣ онъ изображенъ съ прической, носимой имъ въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ своей жизни и отличающейся характернымъ локономъ, собраннымъ на лбу со спущенной впередъ небольшой прядью волосъ.

Лицо Суворова отличалось особенной выразительностью, а глаза искрились умомъ и замѣчательной энергіей. Выраженіе лица Суворова постоянно мѣнялось, въ зависимости отъ воспринятыхъ впечатлѣній, и этимъ объясняется различіе извѣстныхъ намъ его портретовъ, написанныхъ несомнѣнно съ натуры и притомъ хорошими художниками. Впрочемъ и вся фигура Суворова была замѣчательна по своей живости и юркости; взглядъ его, слова, движенія — все

отличалось особенной живостью и неуловимостью, что вполнѣ объясняетъ то затрудненіе, въ которое были поставлены художники, задавшіеся цѣлью возможно правильнѣе передать выраженіе этого до крайности подвижного лица.

Суворовъ, согласно установившемуся въ его время обычаю, брилъ бороду и усы, что, конечно, не могло служить къ украшенію его физіономіи. Гдѣ тѣ 70-ти-лѣтніе старики, которые казались бы красивыми съ бритыми совершенно лицами?.. Неправы тѣ, которые утверждаютъ, что лицо Суворова было уродливо; оно, конечно, не было и не могло быть красиво въ эти года его жизни; но, по множеству, болѣе или менѣе, схожихъ изображеній, слѣдуетъ признать, что лицо Суворова было очень пріятное, а овалъ головы и правильныя черты лица его обличали аристократическое происхожденіе. Если же принять въ соображеніе крайнюю выразительность его физіономіи и особенный блескъ чрезвычайно умныхъ его глазъ, то мы придемъ къ едва ли ошибочному заключенію, что лицо Суворова было особенно интересное.

Ростомъ Суворовъ былъ нѣсколько ниже средняго; немного сутуловатъ, что, впрочемъ, относится къ послѣднимъ годамъ его жизни; по сложенію онъ былъ особенно худощавъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ онъ былъ тщедушенъ и хилъ, но укрѣпилъ затѣмъ свое здоровье постояннымъ упражненіемъ и правильнымъ и умѣреннымъ образомъ жизни, что дало ему возможность до самой глубокой старости дѣлить съ солдатами всѣ лишенія и трудности боевой жизни, не окружая себя никакими особенными удобствами, что всего ярче было имъ доказано во время его похода въ Швейцаріи. До послѣдняго года своей жизни онъ сохранилъ чрезвычайную подвижность; онъ охотно танцовалъ, легко перепрыгивалъ черезъ стулья; безъ посторонней помощи быстро садился на коня и, какъ справедливо говорили о немъ современники, не ходилъ, а бѣгалъ, не ѣздилъ, а скакалъ. Весь онъ былъ израненъ и оконтуженъ, но изъ полученныхъ ранъ признавалъ лишь двѣ; говоря: «У меня семь ранъ: двѣ изъ нихъ получены на войнѣ, и пять, самыхъ мучительныхъ, при дворѣ». Съ 1789 г. онъ началъ прихрамывать отъ иглы, которая проникла ему въ подошву, и которую доктора не могли извлечь. Онъ отличался чрезвычайной дальнозоркостью. Современники находили большое сходство между Суворовымъ и знаменитымъ англійскимъ адмираломъ Нельсономъ, который съ удовольствіемъ самъ упоминалъ объ этомъ сходствѣ.

Тѣсныя рамки статьи не даютъ мнѣ возможности далѣе распространиться о предметѣ, но полагаю, что читатели найдутъ и въ этихъ строкахъ кое-какія полезныя указанія, могущія служить подспорьемъ для собирателей изображеній Суворова, личность котораго съ годами не только не утратитъ своего интереса, но будетъ все ярче освѣщаться, въ зависимости отъ того матеріала, который выдвинутъ на свѣтъ новые изслѣдователи.

Полковникъ **Сергѣй Козловъ.**

